

П О Э З И Я

В ЛЕГКОМ ТЕЛЕ ПРЯНОГО РОЗДЕНЬЯ

Не стану перечить тому, кто сочтет помещенные на этих листах стихотворения подрезанием известным образцам. Буду рад, если подобное мнение возникнет, потому что сам отношусь к написанному всего лишь как к исполнению, мнимым словам — следованию тем произведениям, что кажутся мне абсолютными, сохраняющими при всем том множество обертонов прозрачных вполне и неуловимых, но существо которых сообщает истину, постигаемой в стихах, написанных задолго до меня, такое же очарование и полноту, как гравь земли первому снегу или же запах тополиного листа растертого в пальцах — уже ничто, хочется воскликнуть, всего-то дуновение первое бесформенности! — сопутствующий нашим нескромным, неустанным мыслям о времени...

Стать слухом. Слушать, прислушиваться, не торопя ни себя, ни других — вот о чем идет речь! Найти абсолютно верный тон этому состоянию, чтобы не исказить голоса, доносящегося к нам. В этом тоже немалое благо.

Позвонил и попросил приехать

Долго говорили с поэтом
о разных вещах.
А потом он тетради показывал,
Где слово свет встречалось
чаще других,
Но казалось оно мне темнее
"могильного мрака".

А многое уже забылось...

Заметает снегом черные камни,
Смотреть, слушать снег,
Забывать, помятуя при этом,
что нечеловечья тропа пролегает
сквозь глухо стучащее сердце,
Забывать, открывая в себе —
снег и мокрые камни,
снег и мертвые листья.
Ночь, снег, ворох сухих цветов,
Иде — сонная флейта,
Которую спутник отогревает
в руках,
не отличимых от снега.

Встречаемся и расстаемся

Слишком много вечером пили,
До хрипоты кричали, перебивая
друг друга,
А утром, отворив заново окна,
смуглые от холодного солнца,
Прислониться к стене затылком,
Чувствуя, как шуршат валесы по обоям.

Зимой

А сегодня с утра
вместо привычного чая
Стакан молока и письмо,
отсыревшее после мороза,
В котором: "я не приеду".

Но думаю совсем о другом

Лезать ночью вдвоем,
Касаться друг друга пальцами,
в которых усталости больше,
чем во всех замерзших реках,
Луна уходит за кровли,
Ни отблеска в приоткрытых глазах,
Но видеть один сон на двоих, всегда!
И просыпаться, теряясь в догадках,
И просыпаться, и жить...
Вот о чем я хотел бы сказать.

Прокусь в ученики

"Познал ли ты смерти печаль?
Познал ли я радость жизни?"—
Осенний вечер на заросшей дороге,
Хлопает грязными полями воздух,
Опаленное светом лицо,
Горы отраженьем огибает кеплю
в углу утомленного глаза —
Отводя поляны в сторону,
Спугнешь черного мотылька...
И отводишь поляны,
Нагибаешься,
Продолжая беседовать с черепом,
лежащим в канаве.

/поэма "Прокусь в ученики" написана
в честь Ле-Дзы, встреча с которым про-
изошла на островах в октябре, на безлюдной,
заросшей чертополохом и бурьяном дороге./

случайно разговоришься
с человеком, прочитавшим
много книг.

А ведь можно было
ограничить себя
всего лишь десятком слов,
И не отвечать на вопросы,
Измеряя сломавшей веткой
у берега —
несколько вода поднялась,
И, зажав дыхание, стоять,
Ожидая пощады в ночь наводнения.

Только разлили по стаканам
вино как вспомнилось прошлое
лето.

Поминишь, неш друг -
Картини его были подобны
 осенней траве,
Когда с запада тнуется тучи,
Он еще плакал, когда наливался -
Теперь он где-то в Нью-Йорке.

В какой раз пересчитывал Розанов.

Прессинаемая в шесть утра

от холода

Бритье,

Чашка чая, мокрые доски крыльца,

А потом в открытых дверях
бесполезный пустой разговор
о стихах и о старости,

Но словно зимней молнией вслед:

Встреча в Богом, должно быть,
прекрасней, чем рождение луны

в осеннюю ночь.

/Осенью в дачной местности всегда тихо, но оставаясь в одиночестве, когда в доме никого нет, легко преступить черту, за которой чистое и легкое чувство печали обращается в тягостное беспокойство, не позволяющее в полной мере насладиться покоем. Поэтому совсем не плохо пригласить к себе друга и за бутылкой вина просидеть вечер и добрую часть ночи. Главное при этом не совершать лишних движений, постукивов, не произносить лишних слов. Но почему же не вымыть посуду после ужина? А разложить карты... Брано смешно пытаться проникнуть в будущее, прибегая к чему бы то ни было - будь то карты или книга перемен!..

Нет, мелочи, даже наподобии воспоминаний, не мешают слушать морех падающих на крышу листьев. Но вот по малой нужде выйдешь во двор, воздух холоден, дрожат острые звезды. Снаконец и о них что-нибудь, говоренное, бить может, тысячи раз. Однако, благодаря такой ночи слова возможно прозвучат как бы впервые.

Если в доме есть музыкальный инструмент, играть на нем не следует, даже притрагиваться не годится. Ну а потом прощание, которое я описал, возвращенье в город./

Предлагают моему другу
ответить на вопрос,
и сколько денег платят десять копеек.

Как смеялся он, как хохотал,
Вспоминая, что заработал, прощаясь
с приятелем, десять копеек —
Непросто повернулся и молча ушел.
Так бы и мне: не смотреть на огонь
догорающей свечки...

Сметен со стола крошки

В воде за стеклом стебель изломан,
Пузырьки на срезе налипли,
Пахнет вчерашним дымом табачным
и легко кожурой мандаринов —
Труднее похмелья первый день
нового года.

Бывает, закрошь глаза.

Утонуть в океане земли,
Раствориться бесследно
во влажном скеске гниения,
воздушных течений,
В сталях вечерних сверкающих птиц,
Глаза чьи ужасы и дивны,
как пенел —
Винно так должен был умереть
Он, равный себе,
Винный недолго в стране,
известный мне только по книгам.

/Возможно досужие умы и найдут различие между моим предположением и свидетельством, что "24 ноября в два часа по полудню сим удостоверяется смерть Льюиса Дюкасса, литератора, родившегося в Монтевидео и умершего в своей комнате по улице Ри де Савор, Монмартр, 16 около восьми часов утра" — я же такого различия не наблюдаю.

Итак, "прощай Мальдорор!" и еще: "верю что исчезновение мое будет окончательным.

Действительно, не только поэты, но и мы нас избирают смерть задолго до ее наступления. Очень хорошо, что не осталось фотографий. Кажется, их нет вообще. Но, случается, закрошь глаза.../

Отвечать бы так, когда
спрашивают о Боге
и о прекрасном

Слышал ли ты как началась
весна в этом году?
Это было вчера —
За стеной пьяный сосед кричал,
Он кричал жене, что убьет ее...
И плач их, как тишина.

Читай стихотворение

и походи по строк, где

"замороженные рыбки с белыми глазами."

Она, написавшая это,
Как она выглядит?
Сколько ей лет?
Что видит она из окна
 своей комнаты?
Потом вспоминая, что год
 или больше
в этом мире ее не было с нами.

В легком теле презнего вселенья

Я не оглядывался на зеркало,
Оно само искало меня отраженьем,
Скользкий луч, темнеющий чуть
 слишком,
Из-за стекла ко мне так нежно
 потянулся,
как дождевая капля —
в засуху и земле.

И впрямь: восьмой век, двенадцатый, какие-то созвездья, стороны света, войны, примирения. Точно так же как и во все времена тщимся приуготовить себя к смерти, избыть ее страх, строя домысли нелепей один другого. Воспеваем синеву неба, чувства, которые вызывают плывущие облака, пытаемся заглянуть в природу имен, проникнуть за пределы вещей, их сроков...

— Сова Минервы вылетает в сумерки. — Пронесет кто-то... Думаю, что разговор двух приятелей, который я намерен привести будет весьма кстати. Мне нравится вообразать его лицо, неразличимое почти на склоне зимнего дня. Дыхания не слышно. Оно светлеет.

— вполне возможно. — Ответит другой. — Однако позволю себе напомнить, что есть птица, не ведающая ни света, ни тьмы. Восходящее солнце тотчас закатывается в ее немигающем зрачке, продолжая разить лучами их зенита. Птица же не знает также вечности, одна мысль о которой тлет сердце человека, завидующего богам — ибо будучи созданием бесконечно малым, с трудом уместяющим вселенные в зенице своего глаза, величием она достигает песчинки порхающей над высохшей водой. Разве понять ей, что такое мудрость?

— Так где же сумерки?

— Нет! Где то, что называется "вылетать"?

январь, 80